

АРХЕОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, КНИЖНАЯ КУЛЬТУРА

УДК 821.16.1

Л.И. ЖУРОВА

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЦИТАТ И ЗАГОЛОВКОВ В ПУБЛИЦИСТИКЕ ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ XVI в.*

д-р филол. наук,
Институт истории СО РАН, г. Новосибирск,
e-mail: zhurova@ngs.ru

В статье определяется степень функциональности цитат и заголовков общественно-политических сочинений русских публицистов XVI в. с целью выявления особенностей авторского стиля писателей.

Ключевые слова: Иосиф Волоцкий, митрополит Даниил, Максим Грек, публицистика XVI в., цитата, заголовок.

Повышенный интерес к проблеме цитации в современной медиэвистике связан с разработкой методов интерпретационного анализа и герменевтического истолкования древнерусского источника [1, с. 129–134; 2, с. 26–34]. Методологической основой современных изысканий в области цитации следует признать концепцию М.М. Бахтина о функциях «чужой речи» [3, с. 445–452]. Сегодня накопилось достаточно много научных работ, в которых изучается проблема цитирования в отдельных древнерусских памятниках. Опыт цитации в средневековой литературной практике обобщен в статье М. Гардзанини [4, с. 28–40]. Вопросы разграничения цитат, заимствований и топосов поставлены современными исследователями [5, с. 325–350; 6, с. 21–32].

В средневековой публицистике роль цитации, безусловно, повышена в силу самой природы текста ораторской прозы. Патристическая литература служила школой для древнерусских проповедников. В творениях отцов Церкви (Иоанна Златоуста, Василия Великого, Григория Богослова) слова Священного Писания не подавляли авторский текст: небольшие фразовые единицы, взятые из сакрального текста, были украшающими вкраплениями в торжественной проповеди святителей. Безусловно, в сочинениях полемического характера в сравнении с беседами на нравственные темы доля прецедентного текста возрастала. Например, «Слово первое против иудеев» Иоанн Златоуст на-

чал с подборки библейских цитат. «Риторическая речь, в отличие от художественной, уже по своей целевой направленности не столь свободна в обращении с чужим словом. Риторика требует отчетливого ощущения границ чужой речи. Ей присуще обостренное чувство собственности на слово, щепетильность в вопросах аутентичности», – писал М.М. Бахтин [3, с. 452]. Степень «щепетильности» у Иосифа Волоцкого, Даниила и Максима Грека была различной.

В становлении полемического дискурса Древней Руси XVI в. библейская и святоотеческая цитаты сыграли текстообразующую роль, а цитация «была не просто приемом, а конструирующим принципом средневекового текста» [7, с. 75]. Совершенно очевидно, что цитаты из библейских книг и святоотеческих сочинений были наиболее востребованными.

Иосиф Волоцкий в заголовке каждого Слова «Просветителя», который представлял двучастную конструкцию – тезис «Слово на ересь...» и антитезис «Сказание от Божественных Писаний...», преподносил свою речь как «свѣдѣтельство от Божественных Писаний», раскрывая таким образом замысел своего труда – обличить еретиков, заручившись поддержкой священного слова, например: «Слово 1. На новоявившуюся ересь новгородьцких еретиков... Зде же имать сказание от Божественных Писаний, яко Богъ Отець Вседержитель имать Сына и Святаго Духа, единосущни и съпричастни Себѣ, и яко Святаа и Животворящая и Всемогущая Троица еще вначалѣ от патриархъ и от пророкъ и от всѣхъ божественныхъ Писаний свѣдѣтельство

*Статья подготовлена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 11-01-00350а.

имать» [8, с. 55]. Схематика заглавий всех Слов Иосифа одинакова. Авторская интенция адресована читателю в названии, и заголовок знакомит читателя с предметом повествования, готовит его восприятие. Уже в заглавиях писатели Средневековья определяли тему своих сочинений, которая развивалась в лейтмотив, «управляющий семантической системой произведения» [9, с. 437]. Итак, установка на Божественное Писание – исходная позиция в речи проповедника.

Первые четыре Слова сборника Иосифа начинаются с библейских цитат. Так, первая фраза Слова 1: «Блаженный и великий апостоль, уста Господня, Павел глаголетъ...» (1 Кор 8: 5–6); целый ряд цитат открывают Слово 2 (Мф 2:1, Гал 4:4, 1 Тит 3:16; 4:1–2) и Слово 3 (Деян 15:5–7, Евр 7:18–19; Евр 10:1); самый большой набор апостольских изречений вводит тему в Слово 4: «Павель божественны, учитель вселенныя, о таинствѣ Христова смотрения глаголетъ сице» (Рим 11: 33–34; Евр 1:2–3; Филип 2:6–7; 1 Тим 3:16; Еф 5:32; Еф 3:8–9; Колас 1:26–27; Еф 3:3–4). Квантитативный анализ цитатного ряда позволяет говорить о намеренном усилении позиции начала Слов и активном функционировании «тематических ключей», по Р. Пиккио [9, с. 437], в сочинениях Иосифа Волоцкого. Лейтмотив подобранных микротекстов (цитат) способствовал завязыванию, порождению собственной речи автора и был ее камертоном. В остальных Словах «Просветителя» (5–16) повествование начинается не с цитаты, а с отсылки к Писанию и церковным преданиям (кроме Слов 9 и 12). Элиминирование функции прецедентного текста обусловлено укреплением собственной позиции Иосифа Волоцкого и осознанием им права на свободное «плавание». Предлог «от» в словосочетании «сказание от...» указывал на отправную точку. О повышенной роли текста Священного Писания в составлении своих Слов писатель заявил еще в «Сказании о новоявившейся ереси», служившем введением к книге.

Слова «Сборника» Даниила построены по модели, отличной от сочинений Иосифа Волоцкого. Но заголовки к своим сочинениям митрополит составил по конструкции, напоминающей вторую часть пространного названия сборника Иосифа. Сочетания: «Сказание от Священного Писания» или «От свидетельства Божественного Писания» – обязательный элемент вступления, дававшего автору право активно использовать цитирование, например, Слово 1 Даниила: «От свидетѣльства божественныхъ Писаний, яко внимати подобаетъ от ложныхъ пророкъ и от ложныхъ учителей... И яко послѣдующаа божественнымъ и законнымъ Писаниемъ не достоитъ испытovati глаголющихъ или пишущихъ. Аще кто благословнѣ богодухновеннаа Писания сказуетъ, и ничто же тому можетъ възбранити, зане слово Божие не вяжется»¹. Неоднократные указания Даниила на необходимость знания «божественныхъ» сочинений находим почти в каждом его Слове. Так, цитату из послания Иоанна Златоуста Римлянам –

«От невѣдения Священного Писания ражаются бесчисленная злая» – он приводит полностью, но предвзвешивает ее собственным текстом: «Многая же злая бывають чловѣкомъ от невнимания Божественныхъ Писаний» (Слово 7, л. 216 об.). Позиция – сначала собственная речь, затем «чужая речь» – реализует один из организационных принципов творчества Даниила, который, следуя за Иосифом Волоцким, большое значение придавал «свидетельствам», т.е. прецедентным текстам, а прямые указания на Священное Писание служили организующим моментом его авторской речи.

Текстовое оформление названий Слов Даниила многообразнее и динамичнее, нежели у Иосифа. Заголовки Слова 1 – самый полный во всем «Сборнике». В названиях остальных Слов первая фраза «От свидетѣльства божественныхъ Писаний...» опущена, но она, безусловно, подразумевалась, и заголовки, начинавшиеся с союза «Яко», были привязаны к исходной позиции, например, в Слово 2: «Яко не лѣпо есть враждовати друг на друга, но и инѣхъ враждующихъ смиревати, и яко не всюду есть миръ, добро. “Блаженни бо, рече, изгнани правды ради”, и якоже за правду страдааи блаженъ есть, за самое же зло страдааи безаконенъ есть, невозможно же благыхъ дѣлъ прилежащому от всѣхъ слышати добро. Также и о истинѣ стоащому не многы имѣти врагы, но аще о сихъ и съблажняются нѣщии, не устрашати подобает, но твердо быти и непоколеблему» (л. 41–41 об.). По сути, это претекст, а не заголовок в собственном смысле этого термина. Надписание к Слово 1 слишком обширно, оно составлено из нескольких синтаксических единиц, осложнено включением библейской цитаты (Мф 5:10). Его семантическая функция – ввести тему повествования и аннотировать сочинение, в надписание заложен смысловый потенциал текста. Но в морфологии листа такие претексты занимают место названия сочинения: расположение посередине листа и выписаны кинноварью, т.е. автор преподносит их как заголовки. Объяснение практике пространных названий следует искать в традиции «Просветителя», и Даниил как бы продолжил опыт Иосифа Волоцкого. Но редуцирование полемического пафоса в сочинениях Даниила требовало и сокращения их презентаций. Видимо, этим обстоятельством можно объяснить динамику претекстов-названий в «Сборнике»: от многосложной схематики первых глав Даниил постепенно перешел к названиям кратким. Например, в Слово 8: «Яко подобаетъ къ властемъ послушание имѣти и честь въздаати, и еже на врагы Божиа», а в последнем Слово 16: «О второмъ брацѣ совокупления». Налицо тенденция от раскрытия темы сочинения к ее называнию, в таком случае заголовок выполнял номинативную функцию с позиции автора и организующую функцию с позиции читателя. Заглавие и текст в публицистическом тексте коиндексальны, т.е. они полностью соответствовали друг другу.

Слова Даниила, как известно, составлены из трех частей: исторической, богословской, учительной (последняя названа автором «Наказание»). Вторая представляла собой набор «свидетельств», т.е. цитат (биб-

¹ Цит. по рукописи: РГБ, собр. МДА/Л, № 197. Л. 5 об. Далее листы указаны в тексте в круглых скобках.

лейских, святоотеческих) и выписок из сочинений, как правило, толкований учителей Церкви. В первой и третьей частях цитация традиционно служила аргументации писателя в его полемических рассуждениях. Здесь цитат, как правило, немного, и Даниил вводил их с помощью авторизации сакрального слова: «Сие бо и Павел явля глаголаше...», «Сего ради и верховный апостол Петр... рече» и т.д. Как правило, Даниил использовал прямое цитирование, поэтому реминисценций и аллюзий в его сочинениях немного.

Один из технических приемов работы Даниила с прецедентным текстом таков: в первой, исторической части он приводит фрагмент цитаты, например, в Слове 1: «Не поверзите бо, рече Господь, бисеры ваша пред свиниами» (Мф 7:6) (л. 7 об.). А богословскую часть, «свидетельства», он открывает полной цитатой: «Еуаггелие от Матфеа: «Не дадите святаа псомъ, ниже поверзите бисеры ваши пред свиниами, да не поперут ихъ ногама своима и, вращься, расторгнут вы» (Мф 7:6). И самое важное – далее он приводит выписку из толкования на эту цитату одного из учителей Церкви: «Толкование Златоустово. Аще и проходя, рече, повелѣ: “Еже слышаште въ ухо, проповѣдите на кровѣхъ” (Мф 10:27)², но ниже сие съпротивно есть первому, ниже бо тамо всѣмъ просто повелѣ рѣщи, но имже подобает рещи, съ дерзновением рещи: Псовъ же здѣ иже в нечестии живущих неисцѣлном и преложения еже на лучшее не имѣющих надежу назнамена, и свинеи иже в невъздѣржном житии пребывающих выну — их же всѣхъ недостойных, рече, быти такового слышания» (л. 10). Слова Златоуста Даниил не комментирует.

Слово 7 «О премудрости смотрения Господня въчеловѣчения, яко премудростию прехитри злога хитреца диавола, да вся въбрующая в Онъ спасе и спасаеть» начинается с реминисценции Беседы XVI Иоанна Златоуста на книгу Бытия. Мотив искушения дьяволом и спасения Христова – в этом сочинении ведущий. Если в первой части Даниил рассуждает на тему «Христос... улови диавола» (л. 216), то в «свидетельствах» он приводит цитату из Евангелия (Мф 4:1–2), подтверждающую высказывание автора: «Тогда Исус възведенъ бысть духомъ въ пустыню и искуситися отъ диавола...» (л. 217).

В. Жмакин отметил такую особенность сочинений митрополита: «Даниил ловко скрывает свои собственные взгляды за рядом авторитетов древних отцов и учителей церкви и как бы заставляет их говорить вместо себя. Здесь у него нет ничего самостоятельного, он не произносит от себя ни одного слова: все зиждется здесь на одних чужих мнениях, и вся авторская деятельность его обнаружилась здесь только в подборе и известной группировке таких данных древней письменности, которые вполне отвечали его понятиям и взглядам на рассматриваемый предмет» [10, с. 417]. Это заключение исследователя XIX в. объясняет его публикацию, в которой помещены первая и третья час-

ти некоторых Слов «Соборника» и опущена часть вторая. И все-таки изучение «свидетельств» необходимо, потому что оно позволит представить Даниила как читателя, а проблема читателя в современной медиевистике актуализирована [11, с. 194–197].

Частотность цитирования у Даниила зависела от темы сочинения. Так, в Слове 3 «О соблюдении церковных преданий» цитат нет вообще, но «свидетельства» чрезвычайно обширны, они занимают объем, почти в 5 раз превышающий первую и третью части вместе взятые. В «Наказании», которое очень кратко, митрополит объяснил: «До здѣ яже събрахъ свѣдѣтельства божественныхъ Писании в симъ словѣхъ въ пользу себѣ же и искренимъ...» (л. 92). «Собрание свидетельств» необходимо было Даниилу для порождения собственного высказывания, это был тот заряд, который должен был произвести выстрел, и заряд получился мощным, а выстрел довольно умеренным. Составление выписок – один из приемов черновой работы древнерусских публицистов [12, с. 6], но Даниил включил их в свой авторский текст, рассчитывая, видимо, на распространение знания прецедентного текста, им самим отобранного. Известно, что он ввел ограничение на келейное чтение в Волоколамском монастыре [13, с. 86–87], и, скорее всего, своими трудами пытался руководить читательской практикой. Митрополит рассчитывал на то, что представленные им материалы выполняют просветительскую функцию в православном обществе, а он таким способом сыграет свою пастырскую роль.

В первой части Слова 10, посвященного обсуждению нравственной проблематики: «Аще нѣкаа злаа сътворимъ братиамъ нашимъ, или укоримъ, или оклеветаемъ, в таяжде впадемъ», доля «чужой речи» мала (ссылка на Василия Великого и одна евангельская цитата), но третья часть, представляющая собой ученую проповедь, пронизана призывным пафосом к покаянию. Цитаты из посланий апостола Павла и Иоанна Богослова структурировали здесь речь Даниила. Раздел «Наказание», как правило, более насыщен цитатами, нежели первая часть Слов Даниила. Так, в упоминавшемся Слове 7 третья часть составлена на центонно-парафразовом принципе.

Функция священного слова в посланиях Даниила мало чем отличалась от роли цитат в Словах «Соборника». Так, в знаменитом Послании Дионисию Звенигородскому он приводит большой ряд высказываний святых отцов, представляя их таким образом: «Воспомынемъ древнихъ мужей». Он называет имена апостола Павла, святого Марка, Иоанна Лествичника, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Никиту Стифата, Исихия Иерусалимского, Симеона Богослова и снова Иоанна Златоуста и апостола Павла. Частотность цитат святого Иоанна в сочинениях Даниила очень высока, а дух учения Павла, который был для него апостольским идеалом, пронизывал сочинения русского митрополита. Основные функции цитаты в сочинениях Даниила, по классификации С. Моравски [14, с. 670–705], – авторитативная и эрудитивная.

² «И еже въ уши слышите, проповѣдите въ кровѣхъ и не убоитесь от убивающихъ тѣло» (Мф 10:27).

Итак, особенностями писательского стиля Даниила можно считать жанровое единообразие сочинений, пространные надписания текстов, линейную направленность рассуждений, прямое цитирование прецедентного текста.

В отличие от Даниила, Максим Грек сам выступал толкователем библейского текста (в древнерусской церковной практике книжники не позволяли себе интерпретировать священное слово, они, как правило, использовали толкования апостолов и святых отцов). Ученый монах часто начинал свои сочинения с цитаты, которая служила «тематическим ключом» к его высказыванию. Но он не стремился только украсить свою речь авторитетным словом, а старался раскрыть глубину его смысла, который должен был упрочить и собственные рассуждения публициста.

Примечательной чертой мастерства писателя была гибкость в использовании сакрального слова. Святогорец повторял отдельные слова и словосочетания из приведенной цитаты, искусно встраивал их в свой текст, двигаясь как бы по спирали, а не линейно. В одних случаях, например в заключении «Слова на звездочетцев», он собирал цитаты в «пучок», но это не всегда центонный способ строения, потому что между цитатами проложены авторские связки: «И чесо ради, о пророче? Зане, рече...», «и паку», «и инде», которые сигнализировали о ведущей роли автора-повествователя. В других случаях (в «Слове на хулителей Богородицы») он разрывал цитату (Пс 44:10–14) своими комментариями и выдержками из других цитат (Пс 109:3, Пс 88:37).

Сопоставляя ранние послания Максима Грека (до 1525 г.) с главами прижизненных собраний (40–50 гг. XVI в.), приходим к выводу о такой тенденции в развитии стиля писателя, как элиминирование прямой цитации. Так, в антилатинских полемических посланиях (до 1525 г.) ученый монах очень активно использует прецедентный текст. Он вводит в свою речь обширные выписки из Слов «богоносных мужей», маркируя их авторство: «Свѣдѣтель достовѣренъ есть блаженный Иван Златаустъ, сие глаголя в 15 Словѣ...»; «но да приидеть в посредѣ зѣлныи въ божественных Григории...»; «иже во святых отецъ нашъ Василие Великий...»; «к сим да отвѣщаетъ ему пресвятѣишыи Фотии, патриархъ Константинограда...». Их вид и расположение в авторском тексте отличаются от цитат из Священного Писания. Библейские слова подбираются, как правило, в виде групп микротекстов и звучат как бы аккордом.

В целом обилие цитат и выписок в авторском тексте Максима Грека может служить приметой первоначального варианта в его истории. Если взять тематический цикл, составленный из сочинений, написанных в разные периоды творчества ученого монаха, то можно видеть, как писатель от опыта введения выписок прецедентных текстов в ранние послания перешел к практике ссылки на евангельские святоотеческие слова в главах прижизненных собраний, составленных в начале 50-х гг. XVI в. Примером служат два «Слова на

латинов», написанных в 1522–1523 гг. в виде посланий Федору Карпову, и 68-я глава Хлудовского собрания «Слово против льстивого списания Николая Немчина» [15, с. 410–414].

Максим Грек использовал цитату не только как семантическую единицу, но и как образец строения поэтической речи. Например, в «Послании неким инокиням» он начинает вторую часть текста с цитаты: «Услышимъ прочее: «Силно, рече³, будетъ сѣмя ихъ на земли» (Пс 111: 2) – и строит свою фразу по принципу подобия: «силно же не златомъ и сребромъ... но силно въ вѣрѣ, и правдѣ, и любви...». Слово «силно» в модели авторского высказывания поставлено публицистом в позицию анафоры, и этот прием ритмизировал текстовый период. Цитата в сочинениях Максима Грека – инкрустация в ткани повествования, наряду с эрудитивной она выполняла орнаментально-организационную функцию. Можно привести примеры других типов цитирования в многочисленных сочинениях ученого грека, жанровый состав которых разнообразен.

Традиция заглавий в сочинениях Максима Грека иная. Ни в одном из них нет указания на «свидетельство от Священного Писания». Названия его сочинений, которые явно авторские (сохранились надписания автора к текстам), конкретны, предметны, номинативны, выражены одной синтаксической единицей и не содержат прямых отсылок к Священному Писанию. Пространные названия имеют всего несколько сочинений. Трактат, открывающий его кодексы, представляет программное сочинение ученого монаха: «Исповѣдание православныи вѣры Максима инока изъ Святыя Горы, имже извѣщаетъ о Христѣ Исусѣ всякаго православнаго, священника же и князя, что по всему истиннѣиши есть православенъ иннокъ, всю православную вѣру съблюдаа цѣлу и непремѣнну и непорочну»⁴. В нем изложена позиция Максима Грека, неправомерно осужденного на русских соборах. Это позиция истинного христианина, подчеркивает Святогорец. «Исповеданием» он начинает свою защитную речь, сложив ее из глав прижизненных собраний.

Заглавия сочинений Максима Грека, в отличие от трудов Даниила, очень разнообразны. Как правило, в них определен жанр: «Песнь благодарственна...», «Сказание о...», «Слово поучительно», «Слово благодарственно», «Слово отвещательно», «Слово обличительно», «Слово о покаянии», «Словеса душеполезна», «Главы поучительны», «Послание к...» и др.

Обозначив предмет повествования, автор далее указывал тему: об исправлении книг, о лести звездочетцев, об иноческом жителстве, о полемике с иноверцами и т.д. Таким образом Максим Грек устанавливал между текстом и названием эксплицитные связи, обеспечив восприятие своего высказывания. Примечательно, что принципиальной разницы между структурой заголовков его ранних посланий (до 1525 г.) и

³ Слово вписано над строкой почерком Максима Грека: РГБ, собр. МДА/1, № 42, л. 339 об. 12 св.

⁴ Цит. по рукописи: РГБ, собр. МДА/1, № 42. Л. 1.

глав собраний (30–40 гг. XVI в.) нет⁵, тогда как строение текстов, созданных в разные периоды творчества, претерпело существенные изменения, и важную роль в этом сыграло цитирование.

При всех различиях творческого потенциала публицистов XVI в. очевидно, что их объединяло стремление совместить духовный и исторический материал в общем историко-культурном контексте. На том пути, когда «писатели должны выступать как носители истины, а не как создатели собственных мыслей и образов» [9, с. 451], Даниил и Максим Грек находились в разных точках маршрута. Искусство публицистического слова Максима Грека, безусловно, приближало культуру Нового времени.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Каравашкин А.В.* Единственная реальность. О методологических спорах нашего времени // Россия XXI. 2000. № 6.
2. *Филиюшкин А.И.* Экзегетика древнерусских нарративных памятников и проблема герменевтической интерпретации текстов (на примере Первого послания Андрея Курбского Ивану Грозному) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2003. № 4.
3. *Бахтин М.М.* (Волошинов В.Н.) Марксизм и философия языка. М., 2000.

4. *Гардзанини М.* Библейские цитаты в литературе Slavia Orthodoxa // ТОДРЛ. СПб, 2008. Т. 58.
5. *Юрганов А.Л.* Древнерусский автор и топосы // Источниковедение культуры: альманах. М., 2007. Вып. 1.
6. *Ранчин А.М.* О топике в древнерусской словесности: к проблеме разграничения топосов и цитат // Древняя Русь. 2012. № 3 (49).
7. *Станчев К.* Поэтика на старобългарската литература. София, 1982.
8. *Просветитель, или Обличение ереси жидовствующих.* Творение преподобного отца нашего Иосифа. Казань, 1904.
9. *Пиккио Р.* Функция библейских тематических ключей // Пиккио Р. Slavia Orthodoxa. Литература и язык. М., 2003.
10. *Жмакин В.* Митрополит Даниил и его сочинения. М., 1881.
11. *Журова Л.И.* Автор и читатель в русской публицистике XVI в. (постановка вопроса) // Вестн. НГУ. Серия: история, филология. 2012. Т. 11, вып. 12: Филология.
12. *Буланин Д.М.* О некоторых принципах работы древнерусских писателей // ТОДРЛ. Л., 1983. Т. 37.
13. *Грицевская И.М.* Чтение и четьи сборники в древнерусских монастырях XV–XVII вв. СПб, 2012.
14. *Morawski S.* The Basic Functions of Quotation // Sign. Language. Culture. P., 1970.
15. *Журова Л.И.* Авторский текст Максима Грека: рукописная и литературная традиции. Новосибирск, 2008. Ч. 1.

Статья поступила
в редакцию 04.03.2013

УДК 271.22–36(571.1/.5)

Н.К. ЧЕРНЫШОВА

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ АГИОГРАФИИ НОВОГО ВРЕМЕНИ (НА ПРИМЕРЕ ЖИТИЙ СВ. ИННОКЕНТИЯ ИРКУТСКОГО)

д-р ист. наук,
ГПНТБ СО РАН, Новосибирск
e-mail: knigoved@spsl.nsc.ru

В статье раскрываются факторы создания и бытования житийных памятников Нового времени: особенности практики канонизации святых в Новое время; влияние Духовного регламента Петра I как документа, определяющего наполнение житий содержанием; роль исторической науки в трансформации житий; особенности изучения житийных памятников Нового времени.

Ключевые слова: агиография, житие, историческое сочинение, «Духовный регламент», Св. Иннокентий Иркутский, Св. Димитрий Ростовский, текстологический анализ, рукопись, биография, редакция, список.

Агиография св. Иннокентия, первого епископа Иркутского (в миру И.И. Кульчицкого) (1680–1731), возникла и развивалась на протяжении XIX – начала XX в. Данный этап развития жанра в настоящее время только

⁵ Например, «Слово противу тщасихъ звѣздозрѣниемъ предрицати о будущиъ и о самовластии челоѳическомъ, сложи же ся слово на уповающихъ звѣздному нарождению и всячески по зодѣямъ ходити тщатся»; «Слово на латиновъ, яко не летъ есть ни единому приложити что или убавити въ божественномъ исповѣдании непорочныа христьяньскыа вѣры». Вероятно, заголовки ранних посланий появились в истории текста на более позднем этапе ее развития.

начинает изучаться. Статья посвящена рассмотрению некоторых социокультурных факторов, обусловленных реалиями наступившей исторической эпохи, которые оказали принципиальное влияние на развитие жанра.

Одной из особенностей церковной жизни в синодальную эпоху было то обстоятельство, что канонизации святых были сравнительно редки. При этом среди прославляемых оказалось значительное число архиереев, что дало основание исследователям называть XVIII в. веком «архиерейской святости» [1, с. 302]. Первым из архиереев XVIII в. был канонизирован митрополит Рос-